

лую ночь, чтобы починить его. Таким образом, наутро боевые отряды взяли за оружие, в должном порядке двинулись один за другим и встали перед городом. И ни одна душа из города не выступила против них, что было весьма удивительно, ибо на одного человека в наших войсках приходилось двести в городе. (Автор, как истинный француз, сильно преувеличивает силы защитников города. – Ред.)

Бароны решили расположиться лагерем между Влахернским дворцом и замком Боэмунда, который являл собой монастырь, обнесенный стенами. Здесь они и раскинули свои палатки и шатры. Отсюда открывался вид, наполнявший сердце гордостью, ибо Константинополь тянулся в глубь суши на добрых шесть или семь миль (почти на 10 км), а все наше войско могло осадить лишь одни из его ворот. Тем временем венецианцы на своих кораблях подготовили лестницы, поставили баллисты и катапульты и очень хорошо подготовились к приступу. И предводители крестоносцев, со своей стороны, тоже поставили свои камнеметы и баллисты и были готовы штурмовать с суши.

Все это время наша армия не имела покоя, ибо не было ни одного часа ни ночью ни днем, чтобы какой-нибудь из боевых отрядов не стоял вооруженным у ворот Влахерна, дабы охранять осадные орудия и препятствовать вылазкам из города. Несмотря на все эти предосторожности, греки не оставляли постоянных попыток предпринимать вылазки то через эти, то через другие ворота; они совершали их так часто, что шесть или семь раз на дню всему лагерю приходилось браться за оружие. Более того, никто не имел возможности отходить от лагеря в поисках провизии далее чем на четыре арбалетных выстрела; и провизии было очень мало, за исключением разве что муки и солонины; да и этого было почти ничего. Свежего мяса войска вообще не получали, если не считать конины от убитых лошадей. Всего у войска оставалось съестного не больше чем на три недели. Наша армия была просто в отчаянном положении, потому что никогда еще столь малое число людей не осаждало какой-либо город.

В это время предводители крестоносцев разработали прекрасный план защиты. Они укрепили весь лагерь, окружив его надежной оградой из толстых деревянных брусьев и поперечин, за которыми было и надежнее и безопаснее. Все же греки устраивали вылазки так часто, что не давали войскам передохнуть. Тем не менее, едва только враги выходили из города, наши люди живо отбрасывали их прочь, и всякий раз греки несли тяжелые потери.

Однажды, когда охрану несли бургундцы, греки частью своих лучших воинов совершили против них внезапную вылазку. Наши же люди, что были в лагере, ринулись на врага с такой решительностью, что отбросили его. В ходе преследования они прижали греков вплотную к воротам, так что люди на стенах были вынуждены осыпать их градом тяжелых камней. В этой стычке был взят в плен один из лучших греческих воинов Константин Ласкарис – Готье де Нюлли взял его прямо на коне. В ходе боя Гийому де Шамплитту ударом камня сломало руку, и это было большой потерей, ибо он был весьма храбрым и доблестным рыцарем.

Я не могу назвать вам все нанесенные и полученные удары, всех раненых и всех убитых в этом бою. Тем не менее упомяну, что, когда сражение заканчивалось, на поле боя прибыл рыцарь из окружения Анри, брата графа Балдуина Фландрского и Эно; а на нем была только кожаная безрукавка, металлический шлем и щит. Но все же дрался он так хорошо, что ему была воздана великая честь.

Не проходило дня, чтобы не предпринималось вылазок, но я не могу рассказать вам обо всех. Достаточно сказать, что греки так давили на нас, что наши люди не могли ни спать, ни отдыхать, ни есть иначе как держа при себе оружие. Наверно, могу упомянуть еще одну стычку у других ворот, что были выше, где греки потеряли многих людей, но там был убит и рыцарь Гийом де Жи. В том же бою прекрасно выказал себя Матье де Валенкур, но он потерял своего коня, который был убит под ним на мосту у ворот. Многие, кто участвовал в этой стычке, держались очень доблестно. У ворот с другой стороны Влахернского дворца, откуда греки больше всего производили вылазок, как никто другой, отличился Пьер де Брасье, ибо он расположился ближе всего к воротам и чаще всего участвовал в схватках.

Эти опасности и эти пробы сил нашего войска длились около десяти дней, пока в четверг утром всё, включая и лестницы, не было готово для решающего приступа. Венецианцы тем временем готовились штурмовать с моря. Три боевых отряда из семи будут прикрывать лагерь, четыре же пойдут на приступ. Маркиз Монферратский охранял лагерь со стороны открытого пространства при поддержке отряда воинов из Шампани и Бургундии во главе с Матье де Монморанси. Граф